

ОПАСНЫЕ СТРАСТИ

ДАРЬЯ КОЖЕВНИКОВА

Игра
на жизнь

Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы

Дарья Кожевникова

Игра на жизнь

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кожевникова Д. С.

Игра на жизнь / Д. С. Кожевникова — «Эксмо»,
2024 — (Опасные страсти. Остросюжетные мелодрамы)

ISBN 978-5-04-200876-4

Детектив Дарьи Кожевниковой «Игра на жизнь», содержит всё, что нужно хорошему детективу: захватывающий сюжет, рассказ о сложных судьбах героев и неожиданную развязку. Борис возвращался домой из рейса, когда под колеса его фуры бросилась маленькая девочка. Трагедии удалось избежать только чудом! Малышка не получила травм, но была сильно испугана, причем отнюдь не происшествием на дороге. Она не смогла толком объяснить, что же с ней случилось и как оказалась одна в ночном лесу, но Борис понял из ее рассказа, что дома произошло что-то страшное и девочку кто-то преследует. Кажется, только он может быть ее надеждой на спасение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200876-4

© Кожевникова Д. С., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

1	6
2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дарья Кожевникова

Игра на жизнь

Редактор серии Е. Ирмеш
Дизайн обложки Д. Васильченко

О П А С Н Ы Е С Т Р А С Т И

остросюжетные
мелодрамы

© Кожевникова Д. С., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

1

До площадки, где он останавливался на своей фуре на ночлег, оставалось около ста километров. Около часа пути. Борис глубоко вздохнул, пытаясь отогнать усталость. Дорога ровно стелилась под колеса, монотонно мелькала разметка. Дальний свет фар бежал впереди машины, на изгибах дороги выхватывая из темноты подступающего к трассе с обеих сторон леса отдельные деревья. И лишь изредка попадались встречные машины, внося хоть какое-то разнообразие в монотонное движение по ночному шоссе. Мелькнул придорожный указатель... Восемьдесят! До площадки осталось восемьдесят километров. Такой пустяк на фоне тех многих тысяч, которые Борису довелось проехать за время его работы дальнобойщиком, и даже на фоне тех относительно немногих километров, что он уже проехал за этот рейс! Но усталость делала их длиннее. Темная трасса, тихий рокот мощного двигателя, лес по бокам, свет фар... Сознание коварно пыталось отключиться. Борис бросил в рот пару перченых орешков: пока жуешь, особенно что-то кислое или острое, дремота отступает. Потеребил золотую сережку в ухе, до боли перекручивая мочку. Лиза, жена, нередко подкалывала его по поводу этого украшения или дразнила пиратом. А ему нравилось! И он не рассказывал ей, как это иногда помогает бороться со сном. Он вообще старался не озвучивать ей негативных моментов своей работы.

Девчушка лет пяти выскочила на дорогу прямо из леса, и так внезапно, что Борис чудом успел среагировать. Сна как не бывало! Какое там! Организм мгновенно переключился в режим ЧС. Фура надсадно завывала, прицеп закачался, грозя опрокинуться. Борис не стал резко тормозить, понимая, что это не только опасно, но и бессмысленно. Нет, он сразу вывернул руль, пытаясь прикинуть в уме, куда сейчас может кинуться испуганный ребенок. Главной задачей было попытаться пропустить девочку между колесами, а не задавить и не накрыть прицепом, если тот все-таки опрокинется! Конечно, с ног он ее при этом собьет, но так у нее были шансы выжить. А если попадет под колесо – никаких! Борис лихорадочно прислушивался к своей ушедшей в управляемый занос машине – за годы работы он стал чувствовать ее как продолжение себя, и больше всего на свете боялся ощутить сейчас роковой, обманчиво мягкий толчок, как если бы одно из колес прокатилось по лесной кочке, легко сминая препятствие.

К счастью, на трехполосной дороге в этот момент других машин не было! Сложившаяся под углом фура наконец-то остановилась, все-таки устояв на колесах и перекрыв собой почти все три полосы. Борис врубил весь свет, все габаритки и аварийки, чтобы машину было заметно издалека. А сам выскочил из кабины и принялся высматривать, где ребенок. Сердце колотилось в грудь отбойным молотом, словно пытаясь пробить хозяину ребра, все тело покрыла испарина. Только бы не задавил! Только бы осталась жива!!! У него у самого сын был ненамного младше этой козявки!

Он обнаружил девчушку, упавшей на шоссе за прицепом, по звуку: отходя от шока, та заплакала. Значит, жива! И скорее всего, просто испугана, потому что от боли плачут совсем иначе.

– Маленькая моя, ты как здесь оказалась?! – Борис кинулся к ней, пронырнув под фуру, чтобы не оббегать ее по всей длине. Успевшая вскочить девочка забилась в его руках, как пойманный зверек. Он присел перед ней, взял за плечи:

– Малышка! Смотри на меня! Все хорошо! Ты как сюда попала, скажи?!

Не отвечая, девочка билась в истерике. И, как можно было догадаться, не только от встречи с машиной. Ребенок, один на дороге, ночью – тут для истерики наверняка были и другие причины. Борису ничего не оставалось, кроме как бегло осмотреть ее в поисках повреждений. Но повезло вдвойне: похоже, девчушка упала сама, от испуга, а не была опрокинута прицепом. Не найдя на девочке ничего серьезнее царапин с синяками, Борис отнес ее к кабине и засунул внутрь: не оставлять же на обочине! Застывшую поперек дороги фуру нужно было

срочно вывести на свою полосу, пока кто-нибудь все-таки не нарисовался и не попытался ее протаранить, несмотря на то, что она сияла огнями не хуже новогодней елки. Борис по опыту знал, что ночью на трассе уставшие глаза могут неадекватно оценивать расстояние и очертания предметов.

* * *

– Ну-ка, еще вот так... – пробормотала Лиза себе в маску, стоя перед перевязочным столом и орудуя марлевым тампоном. Она уже могла все заклеить со спокойной душой. Но под предлогом как следует обработать рану на самом деле хотела просто еще раз, получше ее рассмотреть. Найденного утром на улице человека привезли на «Скорой» в приемный покой после ночной драки. Рядовой случай, у Лизы, хирургической медсестры, таких за годы работы было уже несчетное множество. Но... Лиза напоследок еще раз, очень внимательно осмотрела последнюю из гематом, оставленную на теле пациента, избитого кулаком неприятеля. Ту, где на багровеющей коже совершенно ясно сейчас проступал рисунок печатки, которая была надета на руку ударившего. С инициалами «БС» – Борис Смоляков. Лиза хорошо ее знала, эту печатку! И Борьку своего знала. Мастер уличных кулачных боев, он никогда не торопился демонстрировать свое мастерство окружающим и не ввязывался в драки по пустякам, до последнего пытаясь решить конфликт мирным путем. Но если его все-таки вынуждали драться, то противнику приходилось несладко! Как этому вот, которого привезли в больницу. Лежит сейчас перед ней на перевязочном столе, такой весь несчастный, что впору пожалеть! Однако хорошо знакомая с Борькиным характером, Лиза смело могла заявить, что он вовсе не жертва, какой тут пытается выглядеть, а как раз тот самый злодей, который честно сам напросился. Только где? И как?!

Сделав последний мазок тампоном, Лиза все-таки заклеила рану, напоследок буквально сфотографировав взглядом оттиск печатки рядом с рассеченной кожей. Тот теперь скрылся под краем пластыря, но упорно продолжал стоять у Лизы перед глазами. И пока Лиза доделывала перевязку, и пока замачивала инструменты, уже передав своего пациента дальше по инстанции, зашитого и даже загипсованного в двух местах, – мысль о печатке не покидала ее ни на миг. Могло ли это быть совпадением и у какого-то другого отчаянного парня было похожее украшение? Как Лизе хотелось в это верить! Но факты, с позавчерашнего дня не дававшие ей покоя, упорно приводили к обратным выводам. Все вместе! А печатка стала лишь тем последним звеном, которое помогло связать их оедино и прийти к выводу: Борька, надежный и верный Лизин муж, начал ей врать, впервые за четыре года совместной жизни.

Нет, в измене или каких-то похожих интрижках Лиза Борьку не подозревала. Все было гораздо хуже: похоже, у него возникли какие-то крупные неприятности, которые он от нее пытался скрыть. Потому что, как всегда оберегая ее, взялся решать свои проблемы в одиночку. Только что же это за проблемы такие, вынудившие Борьку даже скрываться от семьи?! Ведь он, дальнбойщик, после каждого рейса бежал домой, едва поставив машину, чтобы поскорее увидеть своих жену и сына. Обнять, с радостной улыбкой достать из сумки подарки, которые привозил каждый раз, хотя прекрасно знал, что тут и без них его счастливы видеть. А в этот раз... Вместо ожидаемого возвращения он позвонил Лизе и сказал, что задерживается из рейса, потому что возникли какие-то проблемы с документами, ничего серьезного, просто дурацкая бюрократия. И про телефон сказал, что пока регулярно созваниваться у них не получится, связь будет барахлить, так что пусть она будет к этому готова и не волнуется. Лизу сразу встревожил этот звонок! Наверное, даже не умом, а сердцем она почувствовала, что что-то не так, даже не столько в сочетании перечисленных фактов, сколько в Борькиных словах, в его голосе. Вроде таком же оптимистичном, как и всегда, но... теперь Лиза понимала, что именно в тот раз была в нем какая-то нарочитость, наигранность. А теперь вот эта печатка!

Если действительно у кого-то нет похожей, прямо один в один, то это говорит о том, что Борька сейчас не в рейсе, а уже в городе. Неизвестно, с каких пор, и при этом скрывается вместе со своей весьма приметной фурой, которую он купил когда-то развалюшкой, заново собрал своими руками, а попутно не поленился оттюнинговать в своем вкусе. Так что фура выглядела под стать хозяину, смуглолицему и белозубому «пирату», любящему тельняшки еще с армейских времен. Яркому, с задорной щеточкой усов, а еще, кроме печатки, с золотым медальоном на шее, где он хранил портреты жены и сына, и с сережкой в ухе. И с браслетом, только уже не золотым, а из нержавейки – ну, любил Борька навешивать на себя всякие побрякушки! Так что хозяина и его машину трудно было не заметить издали. Но где тогда они могли быть?!

Не переставая думать о Борьке, Лиза при первой же возможности схватила свой телефон и набрала его номер. Хотя уже заранее знала, что услышит: «Телефон абонента выключен или...» Сделав несколько попыток дозвониться, Лиза сдалась и убрала трубку. Но до самого конца рабочего дня так и не перестала гадать, что же на самом деле стоит за этим «или». Тревожно, очень тревожно ей было за Борьку! И уже не вспоминались те времена, когда она расхотелась бы в лицо любому, кто сказал бы ей, что она может выйти за него замуж. Времена, когда она его на дух не переносила, а любила совсем другого мужчину.

Именно этому мужчине, после долгих раздумий и колебаний, Лиза решилась позвонить по окончании своей дневной смены. Потому что уже места себе не находила, воображая картины одну страшнее другой, и ей просто необходимо было с кем-то посоветоваться. Или хотя бы выговориться, чтобы выслушали. А к кому бы она могла еще с этим обратиться, как не к Ярославу Неверову? Которому Борька, при Лизинем участии, тоже когда-то помог выпутаться из весьма непростой жизненной ситуации. Который теперь был женат на Лизиной соседке Вере, так что жили обе семьи в одном подъезде. И самое главное, который – Лиза была в этом твердо уверена! – никогда никому не выдаст Смолякова, даже если выяснится, что тот теперь не в ладах с законом.

Лиза позвонила ему, когда пошла забирать сына Ленку из садика. Знала, что Ярослав сейчас тоже заканчивает работу, и решила договориться о встрече с ним где-нибудь на нейтральной территории, по пути домой. Потому что поговорить с ним Лизе хотелось с глазу на глаз – трехгодовалый сынишка был не в счет. А кроме того, с Верой, женой Ярослава, у Лизы так и не сложилось тесных дружеских отношений. Хотя они и часто общались, и даже систематически помогали друг другу, живя рядом и имея малолетних сыновей (Леньке было три, а Вериному Даньке пять с половиной). Но и круг интересов у них был изначально разный, и... И в глубине души Лиза до сих пор не могла простить Вере того, что та, пусть и невольно, но стала разлучницей, вставшей между нею и Ярославом, по которому Лиза в свое время буквально сходилась с ума.

– Да, Лиза? Привет! – Трубку Ярослав взял быстро, а значит, уже освободился. Так что Лиза не стала задавать наводящих вопросов, сразу приступив к собственно делу:

– Привет. Мне надо с тобой поговорить, хотелось бы где-нибудь вне дома. Мне кажется, дело серьезное...

И без того беспокойное Лизино сердце забилося еще быстрее, когда она услышала тревожно вырвавшийся у Ярослава вопрос:

– У Борьки что-то случилось?

– Я думаю, да. Как ты догадался?

– Потом объясню. Где встречаемся? Скажи, я подъеду.

– Давай тогда в парке, между домом и Ленкиным садиком. И по пути, и в то же время Вере на глаза не попадемся, чтобы не возникало лишних вопросов.

– Хорошо, – ответил Ярослав с некоторой запинкой. Свою жену он, без сомнения, очень любил, так что у нее не должно было быть ни единого повода для ревности к соседке, а по совместительству – к замужней доброй приятельнице ее законного мужа. Но все же Вера, как

и Лиза, не стремилась к тесному общению между семьями: причиной были дети. Ярослав усыновил Вериного Даньку сразу после женитьбы и никогда его не обижал, но... если обе семьи вдруг пересекались где-нибудь на прогулке, то сложно было не заметить, что Ярослав отдает предпочтение не своему, а соседскому сыну. И на руки старается чаще брать, и даже голос у него звучит как-то звонче, когда он общается с Ленькой. Лиза прекрасно видела, что это не нравится ни Борьке, ни Вере. «Ну что ты хочешь, Ленька же младше! – ответила однажды Лиза на единственный Верин выпад, который та, наблюдая за Ленькой и Ярославом, как-то все-таки себе позволила. – Вот он к мелкому и тянется, потискать, а любит-то только вас».

«Тебя», – тут же мысленно поправилась Лиза, в то время как Вера – по крайней мере внешне, – вроде бы приняла ее объяснения, почему Ярослав больше внимания уделяет не своему, а чужому ребенку. Но тем не менее Вера мягко старалась пресекать излишне тесное общение своей семьи со Смоляковыми, против чего Лиза не возражала, а, наоборот, только поддерживала. Потому что видела, как не только Вере, но и ее Борьке не нравится слишком душевное отношение Ярослава к их Леньке. Хотя Борька, конечно, никогда ни слова не говорил, но порой косился в их сторону не слишком-то одобрительно. И при первой же возможности старался перехватить сына у заигравшегося Неверова из рук.

Ярослав приехал на встречу неожиданно быстро, словно уже был в пути во время звонка. Едва выйдя из машины и поздоровавшись с Лизой, он, как обычно, тут же развернулся к Леньке, протягивая руку:

– Привет, Леонид!

– Привет! – Ленька совершенно серьезно пожал дяде Славе руку и взял у него конфету, свою любимую. Ярослав бросил виноватый взгляд на Лизу, чтобы оправдаться:

– Всего одну, Лиз! Этим точно аппетит не испортишь.

В другое время Лиза все-таки не удержалась бы от упрека на тему: «Я столько раз тебя уже просила!» Но в этот раз лишь молча кивнула и сразу приступила к волнующей ее теме. Начала с вопроса:

– С чего ты решил, что у Борьки могут быть проблемы?

– А ты? – спросил Ярослав, явно не торопясь выдавать свои секреты. – Почему вдруг решила со мной об этом заговорить?

Пришлось выложить ему все, как и собиралась. О странном Борькином исчезновении из зоны доступа связи и его слишком оптимистичном, будто наигранном голосе при последнем звонке. О поступившем сегодня пациенте, которого с парой переломов и сотрясением госпитализировали в травматологию и на которого Лиза, уже наученная предыдущим жизненным опытом, не поленилась собрать анкетные данные, пока он куда-нибудь не исчез. Об оттиске Борькиной печатки на неприятельской скуле и о Лизиных сомнениях, стоит ли обращаться в полицию: в лучшем случае там ее доводы могут признать беспочвенными, а в худшем она сама, своим заявлением, может указать полиции на «преступника», от которого пострадал «потерпевший», что в Лизины планы никак не входило, потому что она была твердо уверена: без веской причины Смоляков в драку никогда не полезет. И уж тем более первым не нападет. Она сама несколько раз была свидетельницей того, как Борька, ее рубаха-парень, в ресторанах или на улице, сам или вступаясь за кого-то, до последнего старался загасить назревающие конфликты словами. Обычно это происходило с пьяными компаниями, ищущими себе приключений. И чаще всего Борьке удавалось-таки по-хорошему утихомирить зарвавшихся мужиков, не переходя от разговоров к действиям. Но если вдруг те не поддавались на уговоры, распалившись от переполнявшей их дури и от обманчивой безобидности призывающего к миру Смолякова, то исход был один. Быстрый, жесткий и вполне предсказуемый, несмотря на количество рвущихся в драку «героев». Если сегодняшний нападавший, назвавшийся в приемнике Семеном Черновым, был с Борькой один на один, то Лиза с уверенностью могла сказать, что

он очень легко отделался. Просто потому, что Смоляков умел вовремя остановиться, не давая воли гневу.

Но один ли был Чернов? И что было потом? И куда все-таки делся Борька?! Лизе упорно не верилось в то, что кто-то мог его одолеть. Потому что на ее памяти Борис Смоляков был сражен всего один только раз. И то не кулаками, а ею, Лизой, забиравшей его из операционной после экстренно вырезанного аппендицита. По Борькиным словам, он влюбился в нее сразу, едва открыв после наркоза глаза. Но вначале так активно взялся налаживать с ней отношения, что добился совершенно обратного эффекта: Лиза просто возненавидела его за навязчивость и слишком бесхитростную откровенность. Ведь Борька, в отличие от выращенного аристократичной бабушкой Ярослава, не отличался ни утонченным воспитанием, ни изысканностью манер. Деятельный и громкоголосый, он раз за разом лишь раздражал Лизу своими попытками завязать с ней более тесное знакомство, и она долго еще не хотела его даже видеть. Но Борька не собирался сдаваться. Он осознавал свои ошибки, делал выводы и упорно шел к своей цели. После выписки принялся подкарауливать Лизу возле дома, извинялся, дарил цветы. Но вряд ли чего-то добился бы, если бы не Ярослав. И вставший между ними, поскольку Лиза тогда безумно в него влюбилась, и в то же время сумевший их невольно объединить: оказавшемуся в очень сложной жизненной ситуации Ярославу требовалась помощь, которую ему принялись оказывать и Лиза, и Борька, никогда не проходивший мимо чужой беды. А вот теперь настал момент, когда, похоже, помощь требовалась уже самому Смолякову. Потому что он начал скрываться. От кого?

– Ярослав, я прошу тебя, хотя бы посоветуй, с чего мне начать. Я хочу выяснить, что случилось, – тихо, но с чувством взмолилась Лиза. – И Расскажи мне для начала, почему ты сразу после моего звонка спросил про Борьку?

– Потому что... – Ярослав ненадолго замялся, но потом заговорил, приняв решение. – Я не хотел тебе говорить в первую очередь потому, что он меня об этом просил. Но раз уж ты сама затронула эту тему... и, судя по всему, раз уж настал такой момент, когда действительно не стоит отсиживаться, а надо хоть что-то делать... В общем, он мне позавчера утром звонил. Ничего конкретного не сказал. Но очень просил меня присмотреть за тобой и за Ленкой. Когда я попытался выяснить, что, по его мнению, может вам угрожать, он сказал, что ничего конкретного и что он сам все сделает для того, чтобы отвести от вас неприятности. Но попросил, чтобы ни в выходные, ни в будни по вечерам я не выпускал тебя из вида, а в идеале – из дома. Это все. Потом, в ответ на мои вопросы, он заявил, что у него связь пропадает, и просто отключился.

– Удобно это у него получается – врать про связь, – проворчала Лиза, пытаясь за раздражением скрыть охватившую ее тревогу. – Кстати, о связи. Единственная достоверная информация, которую я сумела раздобыть об этом Чернове – это его телефон. Потому что прописан он в какой-то общаге, причем совсем в другом городе. Я хотела узнать его предыдущие места жительства, если такие есть, но паспорт мне полистать не удалось, брала данные из журнала регистрации пациентов. Так что пока это все.

– Нет, не все. Дату рождения помнишь? Тоже бы неплохо, – спросил Ярослав, доставая свой телефон.

– Дату помню. Ты куда собрался звонить?

– Кадету. Не хотелось бы прошлое ворошить... и напоминать о себе этой компании... но на что только ради друзей не пойдешь. А если кто-то и сможет сейчас собрать для нас хоть какую-то информацию, так это только Кадет. Особенно если этот Чернов действительно связан с криминалом.

– А я думала, ты даже номер Кадета давно удалил...

– Такие номера не удаляют, Лиз. Взять их потом неоткуда, а пригодиться могут. Видишь, вот потребовался же. В некоторых случаях Кадет может оказаться просто незаменимым. – Яро-

слав, в свое время жестоко расправившийся с насильниками своей бывшей девушки и отсидевший потом за это в тюрьме, принялся искать в телефоне нужного абонента, бывшего сокамерника, одновременно с Ярославом отбывавшего свой срок за какие-то изощренные аферы и подделки документов. – Попытаемся выяснить через Кадета, кто этот Чернов и на кого он может работать? Потому что, судя по масштабу катастрофы, Борька столкнулся явно не с каким-то одиночкой. А Кадет спец по сбору самой разной информации.

– Пожалуйста... – Лиза заломила руки, – сколько бы он ни запросил за свои услуги, я ему заплачу.

– Это после обсудим, – отмахнулся Ярослав и нажал на вызов, между делом почти машинально улыбнувшись Леньке. А получив ответную улыбку, погладил мелкого по голове.

Лиза уже привычно, как будто Борька был сейчас рядом, постаралась отвлечь внимание сына от дяди Славы. Присела перед Ленькой и принялась оттирать салфеткой его мордашу, а заодно и руки от остатков конфеты. Но при этом ловила каждое произнесенное Ярославом слово, после того как ему ответили на звонок, хотя понимала, что ничего ценного сейчас не услышит. Так оно и было: Кадет узнал своего бывшего сокамерника и удивился его звонку. Потом последовал обмен любезностями на тему здоровья и нынешнего положения дел. Кадет сейчас был на свободе, что уже порадовало Лизу: значит, сможет действовать без задержек и ограничений. И самое главное, что услышала Лиза, – он не отказал! Она полупшепотом продиктовала Ярославу все данные Чернова, тот продублировал их Кадету и, отключившись, кивнул:

– Ну все, Лиз, будем ждать. У Кадета есть свой кодекс чести. Так что, раз взялся, то сделает все, что сможет, а может он многое. И самое главное, не сообщит другой стороне, что мы проявляем к ним интерес.

– Ярослав, спасибо тебе!

– Не за что. Мне Борька тоже не чужой. И сколько в свое время он для меня сделал! Так что будем ждать звонка. Как только появятся новости, я тебе сразу скину, – сказал он, предвосхищая Лизину просьбу. – А пока... – он наклонился и подхватил Леньку на руки, – ...поехали домой.

– Да я прогуляться хотела, – Лиза замерла, не испытывая желания садиться к Ярославу в машину. – В пару магазинов зайти. А кроме того... ты же знаешь, что Вере не очень нравится, когда она видит нас вместе.

– Не выдумывай. Когда такое было? – Ярослав, не обладающий женской наблюдательностью в сочетании с интуицией, развернулся на полпути к машине, взглядом приглашая Лизу не артачиться. Кроме того, у него на руках был веский аргумент в виде Леньки. – Мне она о таком ни разу не заикалась. А вот Борька, не забывай об этом, просил за вами присмотреть.

– Именно поэтому ты вчера меня с рецептом пирога озадачил, якобы хотел сделать сюрприз любимой жене? – догадалась Лиза.

– Да, – признался Ярослав. – Позвал вас к себе на помощь, чтобы иметь перед глазами и быть уверенными, что вы не отправитесь куда-то гулять. Потому что вечер был слишком погожий, а Борька уж очень озадачил меня своим звонком.

– А ты Веру – пирогом и нашим внеплановым нашествием.

– Но согласись, что пирог ей все-таки понравился. – Ярослав открыл перед Лизой заднюю дверь и, дождавшись, когда она сядет, передал ей Леньку. И сказал, уже сев за руль: – Теперь, когда мы с тобой раскрыли наши карты, можно обходиться и без ухищрений. Так что я просто прошу тебя, чтобы ты больше не выходила из дома без крайней нужды. А если вдруг все-таки потребуется выйти, обязательно ставь меня в известность. Обязательно, слышишь? А то я знаю твою тягу к самостоятельности.

– Не тот случай. – Лиза не стала сажать Леньку в Данькино кресло, а, так как ехать было недалеко, оставила его у себя на коленях. Теперь же обняла, прижала крепче. Самостоятельность можно себе позволить, когда ты один и больше ни за кого не в ответе. А теперь у нее

была семья. Смоляков начал приучать ее к этой мысли еще до Ленкиного рождения. Поначалу ее безумно раздражала его фраза: «Лиза, ну думай ты о ребенке!», которую он произносил всякий раз, когда ему казалось, что она может чем-то себе навредить в своем положении. Смоляков в то время вообще много чем ее раздражал! И не только из-за общего ее состояния, а еще потому, что она вышла за него замуж, совсем его не любя, а лишь под давлением обстоятельств, поддавшись на его уговоры. Но все ее вспышки Борька сносил терпеливо и молча. После очередного УЗИ его фраза трансформировалась в «Лиза, думай о сыне!», и он произносил это с какой-то особой, таящейся в его карих глазах теплотой. Лиза нередко чувствовала себя виноватой перед ним за свои срывы, но ничего не могла с собой поделать. Потому что все еще любила другого! Пусть, встречаясь с Ярославом, ставшим теперь ее соседом и Веркиным мужем, она уже не испытывала той пронзительной боли, которая раньше нередко заставляла ее реветь в подушку после этих встреч, но и спокойной оставаться после них не могла. А потому не раз обещала себе не срываться на Борьку, но не выдерживала и нарушала все свои клятвы, мучаясь потом угрызениями совести тем сильнее, чем спокойнее Борька выслушивал все ее скандалы на ровном месте. Сам Смоляков всегда думал в первую очередь о семье. И Лиза была уверена, что по этой причине он ни за что не сунулся бы в какие-то авантюры без крайней, очень веской необходимости. Либо оказался во что-то втянут случайно, либо не смог пройти мимо чужой беды.

– Ну вот и приехали! – не ведающий о Лизиных мыслях Ярослав заехал на подземную парковку в их доме и заглушил двигатель. Вышел, забрал у Лизы Ленку, чтобы она могла спокойно выбраться из машины, да так и оставил его у себя на руках. Покосился на Борькину «Мазду», сиротливо ждущую хозяина на соседнем парковочном месте. Лиза пошла дальше: шагнув в сторону машины, ненадолго положила руку на ее капот, погладила. Еще раз попросила Ярослава:

– Позвони мне сразу, как только появятся новости от Кадета! В любое время, даже если ночью. И ставь уже Ленку.

– Донесу. – Ярослав подмигнул мелкому, заставив того улыбнуться. – А тебя, в свою очередь, еще раз прошу, чтобы ты без моего ведома никуда ни на шаг! Завтра с утра отвезу вас с Ленкой, и вечерами буду вас забирать. Вера как раз эту неделю будет работать дома, на удаленке, выбираясь в офис только по вечерам, так что на мне остается только Данькин садик утром, и вопрос с логистикой отпадает сам собой.

Лиза не стала задаваться вопросом, понравится ли Вере то, что Ярослав будет теперь так опекать своих соседей, – дело семейное, пусть он сам объясняется с женой. А она не горела желанием вмешиваться в их отношения без весомого повода. Вот разве что заметит, что все-таки стала причиной раздора...

Они с Ярославом простились у дверей Лизиной квартиры – Неверовы жили на пятом, двумя этажами выше.

– Ну, до завтра, – подождав, когда Лиза отперет дверь, Ярослав наконец-то спустил Ленку с рук. – Утром ждите, когда мы с Данькой за вами зайдем.

– Хорошо. Пока, – кивнула ему Лиза, как старому доброму знакомому, которым он теперь для нее и был. Словно никогда и не существовало тех времен, когда она готова была затягивать такие вот случайные встречи, дорожа каждой проведенной в обществе Ярослава минутой и мучаясь от осознания, что, на сколько б он ни задержался с ней поболтать, а все равно сейчас пойдет домой, к своей Верке. А она, Лиза, – к нелюбимому мужу.

Теперь же все Лизины мысли были только о Борьке, весь вечер. Почти машинально она переделала все свои домашние дела, отрешенно прочитала вечернюю сказку Ленке, к счастью, уснувшей быстро и без капризов. А вот у нее самой сна ни в одном глазу не было! Она снова попыталась позвонить до мужа, но все с тем же результатом. Потом, проворочавшись в кровати, откинула свою подушку прочь и притянула к себе Борькину. За неимением хозя-

ина обняла ее, уткнулась в нее подбородком и задумалась, невидящим взглядом уставившись в стену.

Борька был дальнобойщиком, и Лизе было не привыкать к его долгому отсутствию дома. Его могло не быть и по месяцу, и больше. В его работе всякое случалось: поездки на противоположный конец континента, поломки, всевозможные конфликты, «зависания» с документами. И Лиза обычно чувствовала, когда у него что-то шло не так, как должно. Он никогда не говорил ей о своих проблемах, она сама его «колола» во время их телефонных разговоров. Но так тревожно, как в последние дни, ей никогда еще не было! Еще до Борькиного последнего звонка, еще до сегодняшней встречи с Черновым в приемном покое, она уже начала ощущать, как над ними с Борькой стучатся тучи.

Вспомнив, как начиналась их жизнь, Лиза прерывисто вздохнула, зарывшись в подушку лицом. Сколько нервов она вытрепала Борьке в первые месяцы после их свадьбы! Слово это он был во всем виноват: и в том, что Ярослав полюбил не ее, а Верку, и в том, что Лиза забеременела от Ярослава в ту единственную безумно-хмельную ночь, которую они провели вместе, как раз накануне его встречи с Лизиной соседкой, сразу ставшей соперницей. А на самом деле, если Борька и был в чем-то виноват, так это только в том, что все-таки уговорил Лизу выйти за него замуж. Зная, что она его не любит, но все-таки не пожелав бросить ее одну в ее положении, о котором на тот момент только они двое и знали. Ярославу Лиза так ни словом и не заикнулась о том, к каким последствиям привела их совместная ночь. Позволила ему жениться на его избраннице, на Верке, руководствуясь народной мудростью, что насильно мил не будешь. А всю Лизину горечь и боль, усугубленную ее состоянием, принял на себя Смоляков.

Оставалось только гадать, как же он сумел все это вытерпеть и как сильно для этого должен был Лизу любить. В первые месяцы после свадьбы они даже не жили как муж и жена. Максимум, на что мог рассчитывать Борька, возвращаясь из рейса, – это на горячий обед, потому что совсем его не встретить было бы абсолютно бессовестно. Но все ее попытки быть с ним приветливее быстро разбивались о ее же безумное раздражение, захлестывавшее ее волной. Она могла наорать на него практически ни за что, а то могла и чем-нибудь в него запустить. Это продолжалось до того памятного дня, когда Лиза в очередной раз швырнула в него стакан, почти не глядя, потому что уже привыкла к тому, что он с его реакцией уличного бойца легко уклоняется от летящих в него предметов, а то и просто их ловит, невозмутимо возвращая на место. Но в этот раз Борька уклоняться не стал, даже не шелохнулся. Стакан звучно ударился о его ключицу, разлетевшись на осколки и порезав его до крови. Тонкая струйка зазмеилась по груди, окрашивая в алый цвет майку. Увидев это, Лиза сама испугалась, ахнула. И отчаянно замотала головой в ответ на Борькин вопрос:

– Там еще блюдце осталось. Будешь кидать? Я постою.

– Смоляков, прости! – приходя в себя, Лиза устремила к нему. Хирургическая медсестра, она всегда спокойно относилась к виду крови, но только не в этот раз! Тогда ей вдруг стало не страшно, а больно. От осознания того, что натворила, и от какого-то обреченного выражения Борькиных глаз. – Я не хотела, правда! Не думала, что попаду! Что же ты?..

– Устал я, Лизок! – Он шагнул к ней навстречу, не давая наступить на осколки. – Так что ты уж определись все-таки, чего хочешь добиться, когда берешься все это швырять.

– Точно не этого! – Лиза взглянула Борьке прямо в лицо, и на глаза навернулись слезы. – Прости! Пойдем в комнату, я перевяжу... Пожалуйста! – взмолилась она, поняв, что он хочет от нее отмахнуться. – Я постараюсь... я обещаю тебе, что больше не буду так делать!

– Это уж как сумеешь сдержаться. Но если в следующий раз все-таки сорвешься, то сразу будь готова к тому, что ты в меня попадешь.

Получив это предупреждение, Лиза, наверное, уже никогда не решилась бы проверить, насколько серьезен Борька, при условии, что их отношения остались бы прежними. Но в ту ночь, заклеив глубокую Борькину рану, она, как и сегодня, долго не могла уснуть. Ворочалась в

своей комнате и всхлипывала, терзаясь муками совести, а еще вспоминая его усталый и обреченный взгляд. Доведенный до ручки, Борька не сказал ей, что он ее бросит! Он просто предупредил, что больше не станет уклоняться от ее попыток ему навредить, отчего на душе у Лизы становилось совсем уж гадко. Не выдержав, она поднялась и тихонько прошла к Борьке в комнату. Была уверена, что он спит, и просто хотела взглянуть на него. Оценить, не промокла ли повязка. А еще – попытаться понять, что же все-таки не так, причем с ней, а не с ним. Потому что не могла не признать, что именно сама отравляет ему жизнь день за днем в ответ на все его попытки сделать для нее что-то хорошее.

В смоляковской комнате было темно, но света уличных фонарей, проникающего через окна, хватило Лизе на то, чтобы детально разглядеть лежащего Борьку, а один лучик даже играл на вдетой в его ухо сережке. Лиза невольно сфокусировала взгляд на этой искорке в камешке, и вздрогнула, когда Борька, не открывая глаз, тихо спросил у нее:

– Лиз, что случилось?

– Ты не спишь? – вырвалось у нее. – Нет, ничего не случилось. Просто пришла на тебя взглянуть.

– Ну, хорошо, что хоть не добить, – он невесело усмехнулся, открывая глаза. И подвинулся к стенке, освобождая Лизе край кровати: – Присаживайся, в ногах правды нет.

Лиза села, ничего не опасаясь: еще уговаривая ее выйти за него замуж, Борька пообещал ей, что никогда не применит к ней никакого насилия, и с тех пор честно держал свое слово, даже не пытаясь прикоснуться к ней как-то иначе, нежели чисто по-дружески. То есть именно сейчас подумалось Лизе, он и здесь себя ущемлял ей в угоду.

– Смоляков, ну не надо тебе было на мне жениться! – вырвалось у нее. – Ведь я же тебе говорила, я же тебя предупреждала, что это добром не кончится!

– А я на это согласился, – напомнил он. – Потому что ты по-прежнему мне нужна. Я не знаю, что меня к тебе так тянет. Просто знаю, что никакая другая мне никогда тебя не заменит. Будет мне до лампочки, совсем, вот как я тебе сейчас. Поэтому я и стараюсь переломить ситуацию. Иначе давно бы на все плюнул и просто ушел, так как – ты не поверишь! – я все-таки не мазохист.

«Еще какой мазохист, а еще дурак, каких мало!» – подумала Лиза. Но ничего не сказала. А вместо этого вдруг разревелась, неожиданно даже для себя самой. Не как обычно в последние месяцы, горячими слезами яростного раздражения, а отчаянно, навзрыд, закрыв лицо руками и сдавленно выдыхая между всхлипами:

– Борька, прости! Я сама не знаю... не могу понять, что творится!

– Ну что ты, Лиз! Удумала тоже! – Он резко поднялся и сел рядом с ней, обняв и позволив уткнуться лицом ему в грудь. – Прекращай! О сыне подумай.

– О сыне... о сыне, – выдохнула Лиза сквозь слезы. – Ты о нем неплохо думаешь даже за нас двоих! Хотя... оно вот надо тебе было, брать бабу с чужим ребенком?!

– Лизка! – перестав ее похлопывать по спине, он сжал рукой ее плечо. – Да чтоб я никогда от тебя такого больше не слышал! Ты слышишь меня? Никогда! Он мне не чужой, и точка! Пацан ни перед кем не должен расплачиваться за то, что вы со Славкой наворотили! Он в ваших глупостях не виноват! – Отцепившись от плеча, Борькина рука снова легла Лизе на спину. И после паузы, уже спокойнее, он сказал: – Тебе-то неоткуда было узнать, что это такое: быть нежеланным и никому не нужным ребенком. А я на своей шкуре все сполна испытал. Хорошо, хоть дед мой оказался человеком! Не отвернулся, не бросил. Вырастил. Пусть без пряников, которые ему пенсия не позволяла, но зато и кнутом никогда не воспитывал. И знаешь, Лиз... Если ты не против, то я бы сына хотел назвать его именем.

– А как его звали? – успевшая эпизодически узнать непростую историю Борькиного детства, Лиза вдруг спохватилась, что именно это до сих пор осталось ей неизвестно.

– Дед Леня. Леонид.

– Ленька, – произнесла Лиза, когда начала успокаиваться. Повторила еще раз, словно привыкая к звучанию этого имени и понимая, что оно ей нравится. Хотя даже будь оно иначе, она вряд ли смогла бы отказать Смолякову в этой просьбе. В конце концов, это не он дал жизнь ее сыну... так пусть же будет хотя бы имя. Понимая, что Борька ждет от нее ответа, Лиза вытерла слезы и тихо сказала: – Я согласна. Назовешь его так, как захочешь.

– Вот спасибо! – Он чмокнул ее в макушку.

– Не за что! Имя действительно красивое. И потом, это самое меньшее, что я могу для тебя сделать за то, что ты от меня терпишь. Я ведь понимаю, что веду себя как сволочь, вот только сдержаться нет сил. Иногда мне кажется, что в меня просто бес какой-то вселяется...

– Все нормально, Лиз! В твоём положении всякое бывает, – он помолчал, потом сказал: – Я верю, что однажды у нас с тобой все-таки все наладится. И буду для этого делать все возможное.

– Ты и так делаешь. – Лизина память услужливо раскрыла перед ней словно бы папку с файлами, где оказались собраны все смоляковские подвиги, большие и маленькие, совершенные ради нее. Подвигом с его стороны можно было считать само уже то, что он жил с ней рядом, день за днем терпеливо снося все ее выходки и при этом прекрасно понимая, что провоцирует большую часть из них: отчаяние и боль отвергнутой женщины. Подумав об этом сейчас, Лиза вдруг ощутила, как в ней впервые поднимается раздражение не против Смолякова, а против Ярослава, источника ее душевных мук. Да сколько уже можно терзаться, тоскливыми глазами глядя ему вслед каждый раз, когда он идет с другой?! С той, на которой он женился, тоже следуя тем совершенно не поддающимся пониманию законам зарождения чувств, которые вертели и Лизой, и Борькой. И усыновил при этом чужого сына, взял на себя ответственность за него. А вот своего пока еще не родившегося ребенка доверил воспитывать другу. Правда, сам того не зная, Ленька был общей тайной Лизы и Смолякова, и только они двое знали, кто его настоящий отец.

– Знаешь, Смоляков, – принимая решение, Лиза извернулась под обвивающей ее рукой и обхватила его руками за шею. – Давай уже прекращать эту игру в школьников. Считай, что я освобождаю тебя от твоего обещания, что ты не будешь требовать от меня исполнения супружеского долга.

Сказала и замерла, ожидая инициативы теперь уже с его стороны и про себя решив, что пусть даже искрошит сейчас в песок все свои зубы, но переживет эту запоздалую первую брачную ночь без единого возражения.

Смоляков, услышав это предложение, тоже вначале замер. Потом осторожно поцеловал ее в лоб и поднялся. И не успела Лиза удивиться таким неожиданным действиям, как он подхватил ее на руки и понес. К ней в комнату, на ее кровать. В которую уложил ее и укрыл одеялом. Потом присел на край, взял Лизину руку в свои:

– Поздно уже. Пора спать. Так что спокойной ночи.

Спокойной? Лизу, профессиональную медсестру, невозможно было обмануть. Она чувствовала, как на Борькиной руке бьется пульс. Ритм выбивался далеко за сотку, чего в спокойном состоянии и близко быть не могло.

– Ты что, уходишь к себе? – уточнила она.

– Ухожу. Я оценил твой поступок, Лиз. Спасибо. Вот только любовь не начинается с жертвоприношений. А на другое я не согласен.

Он резко поднялся и сразу развернулся к дверям. Но Лиза все равно успела понять причину такой спешки: поднятый со своей постели в одних лишь трусах, он не хотел, чтобы она сейчас заметила, что далеко не все части его тела одобряют хозяйское решение.

2

Когда Борис подъехал к месту своего традиционного отдыха на этом маршруте, к площадке с круглосуточным кафе, девчушка уже спала, свернувшись калачиком на зашторенном спальном месте, за сиденьями, крепким сном эмоционально изможденного человека, периодически вздрагивая. Борис пристально рассматривал ее, пытаясь представить, как она все-таки могла оказаться на шоссе. Выведя машину на обочину, он задержался в этом злополучном месте, несмотря на то, что времени было в обрез и поджимал график доставки груза. Вначале пытался добиться внятного ответа от девчушки, спрашивая ее о маме, потом бегло обшарил ближайший участок леса. Но если этой ночью и произошла какая-то трагедия, то явно не вблизи того места, где ребенок бросился ему под колеса. Не доверяя своей памяти, Борис не поленился, взглянул на карту этого района и лишь убедился, что здесь действительно нет никаких озер или прочих достопримечательностей, способных привлечь туристов. И никаких деревень в шаговой доступности тоже нет. Могло быть разве что частное домовладение, не нанесенное на карту по причине своей незначительности или прихоти хозяина. Выходит, испуганный ребенок мог и не потеряться, а от кого-то сбежать? Это соображение удержало Бориса от попытки громко позвать того, кто сейчас мог быть в лесу: что, если откликнется враг, а не друг? И сколько их может быть? Удастся ли снова отстоять ребенка, которому один раз посчастливилось убежать?

Так что Борис, рискуя схлопотать обвинение в похищении, все-таки повез девчушку с собой, просто потому, что не нашел другого, лучшего выхода. Решил, что уже отсюда, со стоянки, свяжется с соответствующими службами, а они заберут ребенка, и если им будет нужно, то сами найдут то место, где он ее подобрал, по черной росписи, оставленной на асфальте колесами его фуры. Но по пути ему все-таки удалось разговорить девчушку – Борис вообще умел находить общий язык с детьми без труда. Вот и этой кучеряшке, чтобы пойти на общение, стоило лишь немного успокоиться, обеими руками обхватить плюшевого зайца, который изначально покупался для Леньки, и поверить, что в этой большой машине с ее высокой кабиной ее никто не достанет, чтобы обидеть.

– Меня дядя Боря зовут, – сообщил он ей после того, как сумел убедить в неприступности кабины. – А тебя?

– Маша... Петлякова, – добавила девочка, с жадностью уплетая предложенный бутерброд и при этом продолжая обнимать зайца, сидящего у нее на коленях.

– Вот и познакомились, – Борис подмигнул ей. А потом, не исключая возможности просто завезти ребенка домой, спросил: – А ты адрес свой знаешь?

– Знаю, – девочка продиктовала и поселок, и дом.

– А как ты здесь-то оказалась? – неплохо зная эти места, Борис сразу прикинул, что пешком Маша сюда точно не смогла бы добраться. Обрывочные сведения, которые он услышал в ответ, заставили его задуматься. Мама, два дядьки, дедушка... Все очень сильно ругались, дед кричал и мама тоже. Но дядьки ее увезли на своей машине, из которой она потом смогла выскочить и убежать, пока они копали яму в лесу, чтобы спрятать там какую-то коробку, очень тяжелую, потому что они ее тащили вдвоем. Занимаясь этой коробкой, они не сразу заметили, что Маши уже нет в машине, но потом искали ее, бегали по лесу и очень ругались. А она спряталась и дождалась, пока они уедут. Только после этого уже не знала, куда ей нужно идти. А потом наступила ночь... Тут Борис понял, что пора прекращать расспросы, потому что глаза у девчушки расширились, губы задрожали. Сколько всего она успела пережить, вначале дома, потом в машине похитителей, а затем оказавшись одна в лесу?! Он быстро отвлек ее детской сказкой, предложил перелезть в спальник, за шторку: в этот рейс он ушел без напарника.

И вот теперь, припарковавшись на площадке, в ряду других фур, он задавался вопросом: так ли нужно торопиться со сдачей ребенка в местные органы полиции? Поди знай, что там за история и кто в ней может быть замешан. Поэтому Борис все больше склонялся к мысли, что лучше дотянуть до центрального отделения. Этот вариант выглядел привлекательнее еще и потому, что сейчас девушка спала крепким сном, способным немного исцелить ее после всего пережитого, и будить ее тоже не хотелось. Так что он все-таки решил отложить этот вопрос до утра. Сбегал к кафешке, взять себе поздний ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.